7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/2009/05/13/.

8. *Багдасарян В.Э.* Цивилизационно-ценностные ресурсы экономической стратегии // Стратегия России 2020. Особое мнение. Материалы круглого стола. М. Научный эксперт, 2011. С. 86-91.

9. *Борохов Э. В.* Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М., 1999.

10. *Колин К.К.* Духовная культура общества как фактор обеспечения национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 46-58.

11. *Агафонов А.Ю.* Человек как смысловая модель мира: Пролегомены к психологической теории смысла. Самара, 2000.

12. *Зинченко П.И.* Непроизвольное запоминание и деятельность // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998. С. 474.

13. *Старостин А.М.* Философия социально-гуманитарных инноваций. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.

14. *Кара-Мурза С.Г.* Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы // Государственная политика и управление современной России… Материалы науч. семинара. Вып. 2 (49). М.: Науч. эксперт, 2012. С. 6-9.

15. *Жданов Ю.А.* Проблемы теории и истории культуры / В кн.: Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005.

УДК 32.01

Уварова Г.Г.

Политические механизмы парирования рискогенных экологических факторов в контексте политической науки

В статье анализируются различные аспекты и взаимосвязи с направлениями политологических исследований, показывая сложность и многоаспектность экологических проблем и рискогенных факторов, а также их значение для современной политики и политической науки.

Ключевые слова: экология, политика, политические механизмы, риск, политическая наука.

В настоящее время имеются основания с большой уверенностью утверждать, что современная политическая наука является достаточно сложной по своей внутренней структуре и затрагивает различные сферы, в которых в современной человеческой цивилизации проявляются различные политические факторы и процессы. В этом ключе исследование экологии в проблемном поле политической науки обусловливается зависимостью функционирования человеческой цивилизации от природных факторов[1].

Существенно детерминирует политические рискогенные факторы и механизмы их эффективного и своевременного парирования недостаточная компетентность политических лидеров, которая является одним из основных направлений политологического анализа. На первый взгляд кажется, что чем более знающим, опытным и профессионально подготовленным будет военно-политический деятель, тем вернее будет принятое им решение. Однако на

практике это не всегда так. Опыт и знания без развития могут приобрести форму стереотипа и вполне способны трансформироваться в косность мышления, рутинный подход к решению проблем. Между тем, перманентная и высокая динамика военно-политических процессов менее всего допускает клиширование подходов к решению возникающих задач обеспечения военной безопасности. Необходимость осуществить переход к новой модели экоразвития связан с определенной трансформацией подходов к разработке политических механизмов парирования рискогенных факторов в экологической политике. В контексте этой задачи экологическая политика должна:

1) переосмыслить развитие не примитивно экономически, только как увеличение потребления, но как создание достойной человека среды обитания;

2) учитывать долговременные, а не сиюминутные факторы и стать приоритетной в общей политике государства;

3) максимально приблизить технологические циклы к требованиям природы, использовать до конца ресурсы, вовлеченные в переработку, а отходы включать в природные биогеохимические циклы без их нарушений;

4) изменить самого человека, его понимание ценностей, систему образования и воспитания[2, с.121].

Таким образом, защита интересов человечества, экологический императив его выживания, вобравший в себя множество забот и проблем, в том числе социально-экономических и политических, составляет суть экологизации политики.

Сегодня среди специалистов нет общего согласия относительно того, какие аспекты окружающей среды следует считать имеющими экологическое значение для политической системы и обладающими высокой степенью рискогенности. Некоторые авторы явно относят сюда целиком физическую, культурную и социальную окружающую среду. Другие сводят экологию к окружению физическому и не относящемуся к человеческому роду. Третьи же считают, что экология политической системы охватывает как физический, так и социальный аспекты окружающей ее среды, не включая в себя, однако, другие политические системы. Между тем, экология в качестве научной концепции первоначально была разработана как теория взаимодействующих биологических систем, с тех пор применялась к изучению многих видов социальных и политических систем. С этой, третьей, позиции другие политические системы рассматриваются как часть политического контекста, а не изолировано, как часть экологии изучаемой системы. При этом исследование взаимодействия между политической системой и ее контекстом иногда называют контекстуальным анализом в отличие от экологического анализа. Так в политологии заостряется внимание на важности факторов окружающей среды для функционирования политической системы, а также и обратного воздействия последней на окружающую среду. Например, серьезное воздействие на окружающую физическую, культурную и социальную обстановку может оказать правительство в какой-либо развивающейся стране, приступающее к осуществлению широкой программы земельной реформы. Итогом могут

быть, в частности, революция в агротехнике и землепользовании, развитие национального самосознания и чувства национальной общности, а также массовое перемещение людей из деревни в крупные города. Такие изменения, в свою очередь, могут иметь важные последствия для дальнейшего существования данной политической системы.

В связи с этим политический механизм парирования рискогенных факторов в современной экологической политике включает в себя и негосударственных акторов с их политическими целями, сложившимися правилами и процедурами. По нашему мнению, такое состояние будет обусловлено тем, что политика как социальная и системная деятельность носит имманентный характер, т.е. постоянно и внутренне связана с общественными противоречиями и конфликтами[3,с.5]. Поэтому рискогенные факторы играют важную роль уже в силу своей общественной значимости и постоянного присутствия в политическом дискурсе.

В проблемное поле политической науки концепт экологических рисков в их связи с экологической политикой был включен еще 70-80-е гг. XX в. Особенно заметно это прослеживается в трудах таких видных политологов, как Жан де ла Торре и Д. Нескаром. Именно этим ученым принадлежит фактически первая попытка классифицировать политические рискогенные факторы, связанные с экологической политикой, что позволило впоследствии сгруппировать и источники их возникновения, а, следовательно, и выработать методы парирования[4]. В основе предложенной ими классификации находится, прежде всего, объект воздействия рискогенных факторов, связанных с экологической политикой.

Вместе с тем, экологическая политика будет неизбежно связана с такими категориями, как экологическая стратегия, которую мы можем определить как совокупность конкретных политических целей и задач в экологической сфере, рассчитанных на реальные возможности и политические ресурсы их достижения. Известно, что экологическая политика непосредственно реализуется в сфере предотвращения глобальных экологических катастроф, охраны окружающей природной среды и использовании природных ресурсов, взаимодействия различных заинтересованных стран-участников и международных экологических организаций[5, с.24].

Следует отметить, что в теоретическом осмыслении политические механизмы парирования рискогенных факторов в современной экологической политике связаны с категорией естественного риска, и, видимо, ее следует рассматривать в рамках концепции конкретно российского и общемирового сообщества как многофакторное сочетание множества самых разных социальных, природных, предметных элементов, находящихся в постоянной динамике взаимоотношений. Поэтому риск в таком контексте – это естественно присущее, неотъемлемое свойство, которое хотя и является угрожающим фактором для равновесия и устойчивости существования любой социальной и политической системы, но как бы предусмотрено самим устройст-

вом мира и составляет один из факторов, обеспечивающих гармонию и целостность мира.

Очевидное стремление человека упорядочить первичный хаос бытия, предусмотреть максимальное количество обстоятельств своего будущего и определить в связи с этим направления своей деятельности, учесть все возможные перспективы развития событий и на основе этого принимать решения является составной частью политических механизмов парирования рискогенных факторов в экологической политике. Именно это естественное стремление человека подстраховать риск своей деятельности привело к появлению особой отрасли знания (так называемой, калькуляции риска), особого направления, которое по определению предназначалось для разделения ответственности за риск отдельного лица или политической структуры. Так появилась первая осознанная, социально значимая форма упорядочения естественного риска, попытка проникновения воли человека в самоустройство мира с целью его корректировки. Не случайно, уже в эпоху Просвещения в науке проблема риска как стечения неблагоприятных случайных обстоятельств и угроза благополучному исходу отдельного предприятия или действия получила освещение в вероятностной математике, описывающей вероятность актуализации случайного события. Таким образом, движение социального мира в сторону развития договорных отношений между людьми и между обществом и государством можно рассматривать, как попытку унифицировать формы человеческого взаимодействия, т.е. создать одинаковость исходных условий для этого взаимодействия и, соответственно, поставить участников в равное положение относительно его срыва, актуализации риска и возможного ущерба для его участников. Таким образом, можно заключить, что в домодерном обществе уровень осознания обществом и индивидами сущности риска соответствовал степени реального риска социального бытия, который, хотя и присутствовал постоянно, вовсе не был тотальным и потому воспринимался как случайность.

Крупнейшие современные политологи связывают изменение отношения общества к рискам с началом модернизации. Причем, само по себе, понятие «модернизация» относится к историческому процессу перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, секулярному. Исследованию феномена модернизации в целом и конкретных модернизационных процессов, в частности, посвящена разнообразная литература. Было создано целое семейство теорий, стремящихся осмыслить логику развития человеческих обществ с помощью представления об универсальных типических стадиях развития культуры, через которые они проходят. При этом чаще всего такие стадии обозначаются двумя группами сходных понятий: это либо традиционное, современное и постсовременное (вариант – постэкономическое), либо доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное (информационное) общество. К тому же различные политически концепции часто вкладывают в эти понятия неодинаковое содержание. Наиболее детальный критический анализ классических и новых теорий модернизации

как генератора рискогенных факторов в экологической политике выполнен П. Штомпкой [6]. Отдавая должное важной роли этих теорий в познании закономерностей общественного развития, автор отмечает, что они успели пережить сначала мощный расцвет, затем период резкой и справедливой критики и, наконец, реанимацию в форме современных постмодернизационных теорий.

В современных условиях модернизация общества, прежде всего, предполагает его индустриализацию, что привносит новые смысловые значения в понимание роли экологических проблем в проблемном поле современной национальной и мировой политики. Исторически возникновение современного общества тесно связано с зарождением промышленности и возрастанием давления на окружающую среду и с постепенным изменением отношения к этому явлению, а значит, и смещением политических акцентов. Все имеющиеся характеристики, связываемые с понятием модернизации, могут быть соотнесены с тем рядом перемен, который два столетия назад вызвал к жизни индустриальный тип общества: от концепции человека – покорителя и завоевателя – к пониманию политической опасности экологических рисков и стремлению к их минимизации. По вполне обоснованному мнению большинства исследователей, какие бы различия в истолковании модерности и модернизации ни существовали, общим является признание в качестве важнейшего фактора технологических инноваций. Кроме того, значение производственных технологий, индустриализация и выстраивание по технологическому признаку политической организации и даже параллель между технологическим производством и формированием сознания являются необходимым и достаточным признаком современности.

Бесспорно, на наш взгляд, то обстоятельство, что с развитием индустриальной цивилизации нарушился естественный баланс сил в связке политического и природного мира. Такой постепенный переход от трудовой производительной деятельности человека в пределах натурального хозяйства к промышленному производству и освоению природных ресурсов означал переход от самообеспечения своего выживания и выживания своей семьи к разделению труда и массовому производству отдельных видов товаров для свободного обмена на нужную продукцию иного рода. Это происходило через универсальное средство – деньги, к дальнейшей формализации человеческих отношений.

В доиндустриальную эпоху понятие природных ресурсов, необходимых для национального развития, не было рассмотрено в политическом поле. В эпоху масштабной индустриализации проблематика, связанная с природой, вошла сначала в русло борьбы за ресурсы, а затем и в идеологическую область, став одной из важнейших основ практически всех известных идеологий. Таким образом, суть подхода всех существующих на сегодняшний день систем политической оценки состоит в том, что основная ответственность за риск возлагается на национальное государство, которое до сих пор сохраняло за собой роль главной политической арены. При этом государство представляло собой своего рода институциональную матрицу для возникновения и

развертывания внутренних политических конфликтов, а его внешний контекст определяла биполярная структура международных отношении[7, с.102].

Основа процессов политической и экономической модернизации – индустриализация и создание индустриальной культуры, чрезвычайно улучшившей удобства человеческой жизни, условия существования человека. Известно, что эта эпоха характеризовалась формированием масс как особой неструктурированной и неоднородной общности. В целом производство масс было составной частью индустриального производства: индустриальная система порождает и бюрократию, которая вполне «конкурентоспособна» по отношению к государству в подавлении свободы. Своеобразным триумфом индустриальной эпохи было вступление Запада в гедонистическую фазу, превращение его в общество потребления, в котором непосредственно экологическая составляющая и связанные с ней политические рискогенные факторы начинают играть доминирующую роль.

С методологической точки зрения, определяя место политических механизмов парирования рискогенных факторов в современной экологической политике, мы можем говорить о наличии в политической науке градации определенных видов экологической политики:

1.*Глобальная* – осуществление международных, политических и внешнеэкономических акций с расчетом экологических ограничений в социально-экономическом развитии, запасов имеющихся в мире природных ресурсов и их распределение между различными странами.

2.*Государственная* – социально-экономическая политика, в том числе внешняя, построенная на понимании эффектов и недостатков, связанных с плохим экологическим состоянием территорий и акваторий.

3.*Региональная* – связана с действиями конкретных государств в отношении собственных регионов, а также экологическая политика, которая осуществляется регионами в собственных интересах для эффективного парирования рискогенных факторов в экологической политике.

4.*Экологическая политика на уровне предпринимательства*. После получения экологией доминирующего статуса в системе общественных ценностей предприятие уже не может обойтись без отображения своей экологической политики в долгосрочных планах развития. Поэтому экологическую политику на уровне предпринимательства, особенно если учитывать значимость и экологическую опасность крупного бизнеса, необходимо рассматривать как стратегический элемент долгосрочного планирования глобальной, межрегиональной, национальной и региональной политики.

5.*Местная экологическая политика* заключается, в основном, в проведении локального объективного мониторинга, включающего в себя осуществление контроля соблюдения природоохранного законодательства, а также организацию разработки местных экологических программ и проектов, их согласование с общегосударственной экологической политикой.

В этой связи в проблемном поле политической науки могут рассматриваться самые разнообразные инструменты экологической политики. Это,

прежде всего, инструменты, используемые национальными правительствами, чтобы осуществить собственную экологическую политику. Например, экономические стимулы и основанные на рыночных отношениях инструменты, такие как налоги и освобождения от них, ходкие разрешения и взносы могут быть очень эффективными, чтобы поощрить их согласие с экологической политикой[8].

Достаточно часто несколько инструментов объединяются для решения определенной проблемы охраны окружающей среды. И так как у современных экологических проблем часто имеется много различных политических аспектов, могут быть объективно необходимы несколько научно-познавательных и аналитических инструментов, для того, чтобы обратиться к каждому аспекту, непосредственно связанному с экологической политикой. Кроме того, комбинации инструментов экологической политики могут дать правительствам и всем заинтересованным сторонам политического процесса большую гибкость в поиске способов решения экологических проблем и своевременного парирования возникающих в экологической политике рискогенных факторов, используя при этом адекватные политические механизмы, и таким образом уменьшая неуверенность в стоимости выполнения. Однако сочетания инструментов должны быть тщательно сформулированы так, чтобы отдельные меры в пределах них не дискредитировали друг друга. Кроме того, накладывающиеся друг на друга инструменты ведут обычно к ненужным административным расходам, делая стоимость выполнения различных мероприятий, связанных с экологической политикой, выше, чем современное общество готово принять безболезненно для себя.

В качестве конкретного примера системности подобных эколого-политических проблем и необходимости их комплексного анализа в политологическом исследовании можно привести известные меры по повышению эффективности использования энергии. Проблема состоит в том, что в современных условиях требуется все больше энергии, однако попытки реализовать действия, которые могут фактически увеличить ее потребление в традиционном ключе, ростом добычи углеводородных ресурсов, встречают серьезное политическое сопротивление. Очевидно, что человечеству требуется начать использование более эффективных энергоносителей, но при этом возникают значительные политические и экономические издержки. Так, одним из недавних примеров является попытка ввести для германских автомобилистов новый вид топлива, который до конца не изучен и использование которого привело к массовым поломкам автомобилей , вызвав волну протестов, ставших серьезным внутриполитическим фактором.

В проблемном поле политической науки экология представляется в качестве направления, отличающегося достаточно жесткими алармистскими установками. Экология значительно трансформировала политический дискурс, поскольку глобальная экология уже по своей сути предполагает прорыв в будущее, она футурологична. В этом качестве она отвечает не только общей направленности теории развития, ищущей разгадки будущего, но и в высокой

степени стимулирует этот поиск. Кроме того, экологические отношения расширили круг глобальных и вообще всех проблем общественного развития рядом универсальных и общественно значимых проблем, решение которых потребовало совместных усилий многих направлений общественной мысли и одновременно обогатило их экологической темой [9, с.79].

Экологическая тематика действительно обогатила политическую науку новыми направлениями и идеями, но она принесла и новые когнитивные проблемы и задачи. Прежде всего, современная экологическая система как фактор политической жизни связана с рядом дополнительных категорий. К ним мы можем отнести в первую очередь ее повышенную рискогенность, взаимосвязанность различных элементов – глобальных, региональных и локальных, необходимость политического реагирования на любую экологическую катастрофу и проблему, очевидную значимость политических механизмов в решении экологических проблем и в преодолении последствий уже произошедших экологических катастроф.

Однако очевидно, что за последние 10-15 лет в обществе произошли серьезнейшие трансформации, которые, вероятно, не оказывают прямого воздействия на политические риски, но, тем не менее, меняют поле его возникновения. Когда мы говорим о «поле», мы, прежде всего, подразумеваем совокупность взаимосвязей политического характера в когнитивном пространстве, связанном с разработкой эффективных политических механизмов парирования рискогенных факторов в современной экологической политике.

Литература

1.*McCormick J.* Environmental Policy in the European Union. The European Series. Palgrave, 2001; *Dieter H.* Environmental policy: Objectives, instruments, and implementation. Oxford: University Press Distribution Services (UK), 2000; *Jane R.* Environmental policy. Routledge, 2004.

2. *Климов Ю.* Политическая экология – новое научное направление. М.: Дело, 2011. С. 121.

3. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1982. P. 5.

4. *De la Torre J., Neckar D.* Forecasting political risk for international operations // International journal of forecasting, 1988.

5. Vig N.J., Kraft M.E. Environmental policy: new directions for the twenty-first century. D.C. CQ Press, 2003. P. 24.

6. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. Гл. 9 (Теории модернизации. Старые и новые), гл. 6.

7. *Глухова В.* Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // Социальные исследования. 2005. № 6. С. 102.

8. *Homer-Dixon T.* Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. 1994. Vol. 19. № 1. P. 5-40.

9. *Кравченко И.И.* Будущее мира и российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М.: Ин-т философии РАН, 2005. С. 79.